

УДК 81'282

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ В ОМСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ: ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ЧЕШСКОМ СИБИРСКОМ ГОВОРЕ

М.А. Харламова

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

История появления чехов в Среднем Прииртышье теснейшим образом связана со столыпинскими реформами конца XIX – начала XX в. На материале показаний языкового сознания выявлены миграционные пути чехов и места их «выхода» из европейской России и Европы. В статье прослеживается история формирования и развития чешского говора в Сибири и обосновывается тезис о роли междиалектной и межъязыковой интерференции в создании языкового пространства полиэтнического региона. На примере среднеприиртышского чешского говора (с привлечением собранных автором новых языковых данных) показана связь *интерференции* и *двуязычия*. Результаты проведённого исследования являются источником и эмпирической базой нового лексикографического проекта омских диалектологов, призванного манифестировать мирование современных сельских жителей одного региона Российской Федерации.

Ключевые слова: интерференция, межъязыковое контактирование, двуязычие, чешский диалект

Ни один язык не развивается без взаимодействия с другими языками. При передвижениях больших масс населения с одной территории на другую, при покорении одного этноса другим, при значительном культурном влиянии одного народа на другой, наконец, просто при соседстве двух народов на относительно небольшой и относительно густо заселённой территории это взаимодействие усиливалось. При переселениях народов обычно язык одного из них постепенно усваивался другим, причём в усвоенный язык вносились черты поглощаемого языка, постепенно отмиравшего и прекращавшего своё существование [1, с. 8–13]. Б.В. Горнунг в своём докладе на V Международном съезде славистов (г. София, Болгария, 17–23 сентября 1963 г.) указал основные пути взаимодействия говоров и языков. Аналогичные процессы проходили и проходят на исследуемой нами территории Среднего Прииртышья. Латыши, чехи, поляки, белорусы, эстонцы и другие народы, как и русские, появились на территории Омского Прииртышья в разное время. Основной приток многообразных этносов отмечался в период столыпинских реформ в конце XIX – начале XX в. [2–5]. Условия, при которых устанавливались социально-экономические, культурные, торговые

связи между этносами в Среднем Прииртышье, различны. Разнообразны также условия контактирования языков и диалектов (см. [6, с. 25–91]).

Л.В. Щерба выдвинул тезис о том, что процесс языковых контактов состоит в схождении и обобщении означаемых при сохранении различий в означающих и что то или иное течение этого процесса обусловлено разными видами двуязычия [7]. Идеи академика развил В. Розенцвейг: «В какой мере изменится язык в ходе контактов, направление и скорость изменений, вплоть до исчезновения одного из языков, зависит в конечном счёте от социально-исторических условий. <...> Каким образом и в какой мере социально-исторические условия общения носителей других языков определяют тот или иной ход процесса контактов, выясняется лишь, когда познаётся связь между речевым поведением двуязычных людей и социальными ситуациями двуязычия» [8, с. 11]. Л.В. Щерба впервые обратил внимание на то, что «характер сосуществования двух языков в индивиде находится в зависимости от условий усвоения неродного языка» [7, с. 47] (см. об этом [8, с. 11]).

Анализируя дискурс людей, выучивших иностранный язык от гувернанток (последние владели лишь своим родным языком), Л.В. Щерба показал, что «при таком *двуязычии* происходит лишь заимствование отдельных слов языка В носителем языка А. <...> Если же усвоение неродного языка происходит таким образом, что носители двух языков, общаясь в разных и многочисленных общественно важных ситуациях, переключаются с одного языка на другой, “переводя” мысль то на один язык, то на другой, то имеет место обобщение означаемых двух языков, вплоть до образования единого языка в плане содержания с двумя способами выражения» (цит. по [8, с. 11–12]). Большинство отечественных учёных *двуязычие* определяют как знание двух языков в одинаковой степени совершенства [9, с. 57].

Другой важный теоретический аспект, который мы не можем не упомянуть в связи с нашими изысканиями, – это проблема *интерференции*. Л.И. Баранникова даёт такое определение этого понятия: «Интерференция – это изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка, причём не имеет значения, идёт ли речь о родном, исконном для говорящего языке, или о втором языке, усвоенном позднее» [10, с. 88]. У. Вайнрайх под интерференцией понимает «те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных лиц <...> вследствие языкового контакта» [11, с. 22]. Таким образом, влияние разных языковых систем вызывает явление интерференции. И в зависимости от того, на каком уровне языка проявляется интерференция, традиционно различают несколько типов, а именно: фонологическую, морфологическую, синтаксическую, лексическую и семантическую [11, с. 45]. Сходные (близкородственные) языковые элементы, закономерности и нормы не могут вызвать интерференцию, поскольку они не вступают в противоречие. В настоящей работе мы рассматриваем *интерференцию* как частный случай взаимодействия языков, который может возникать лишь при регулярном использовании одним и тем же человеком или одним и тем же коллективом разных языков и диалектов.

Цель статьи – показать процессы межъязыковой интерференции в полиэтническом регионе, обусловившие своеобразие мировидения современных сельских

жителей Омского Прииртышья. Разработка названной проблематики связана с новым лексикографическим проектом – словарём констант народной речи носителей традиционной культуры Среднего Прииртышья (подробнее об этом см. [6]).

Исследование современных говоров на территории вторичного заселения показало, что длительное сосуществование говоров и языков (с XVII в.) определяет во многом своеобразие языковых систем в регионе. Как справедливо отмечает А.С. Герд, «исторически, по-видимому, большинство культурных центров полиэтнично в своей основе» [12, с. 255]. Он указывает: «Письменный язык книжных центров *открыт для субстратных влияний* (курсив наш. – М.Х.) в меньшей степени, чем диалект» [12, с. 255]. При этом далее подчёркивается, что «история диалектов тесно связана с межэтническими миграциями» [12, с. 257].

Именно миграционные процессы конца XIX – XX вв. (период столыпинских реформ) сыграли особую роль в формировании новых типов речи в Среднем Прииртышье. В этом регионе обнаружены компактные места проживания представителей западнославянских (поляков, чехов) и неславянских (эстонцев, латышей, немцев и др.) языков (см., например, [2, 13]). Двухязычными носителями на данной территории являются этнические чехи, речь которых мы записывали на протяжении нескольких лет начиная с 2000 г., а именно: д. Новоградка – А.Е. Бартош, муж., 1937 г.р., 8 кл., тракторист, зап. 2000 г.; Ф.И. Вондра, жен., 1925 г.р., неграмот., зап. 2004 г.; М.И. Киселёва (урожд. Вондра), жен., 1947 г.р., 8 кл., зап. 2000, 2012, 2013 гг.; А.А. Киселёв, муж., 1942 г.р., 8 кл., зап. 2000 г.; И.А. Шиллер, муж., 1952 г.р., 8 кл., зап. 2000 г.; Ф.А. Шиллер, муж., 1938 г.р., 7 кл., зап. 2012 г.; А.А. Яндер, муж., 1942 г.р., ср.-спец., зап. 2004 г.; А.И. Яндер, муж., 1932 г.р., грамот., зап. 2004 г.; П.А. Яндер, муж., 1922 г.р., 4 кл., зап. 2004 г.; с. Репинка – А.А. Вондра, жен., 1937 г.р., 7 кл., зап. 2004, 2012 гг.; З.В. Яндер, жен., 1938 г.р., 7 кл., зап. 2000, 2012 гг.; З.М. Яндер (урожд. Кадермас), жен., 1939 г.р., 7 кл., зап. 2000 г.; В.А. Яндер, жен., 1921 г.р., 4 кл., зап. 2004 г.; г. Омск – Е.А. Ишкова (урожд. Вондра), 1953 г.р., ср.-спец., зап. 2012 г.

Материалом для настоящего исследования, таким образом, послужили записи диалектной речи из личного архива и архива кафедры русского языка, славянского и классического языкознания Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, сделанные в сёлах и деревнях Калачинского района Омской области в ходе диалектологических экспедиций – Репинское сельское поселение. Они частично уже были опубликованы ранее (см. [14]). Кроме того, нами привлечены аудиозаписи, расшифровка материала и перевод с чешского языка на русский С.С. Скорвида [15].

Путь чехов в Сибирь был довольно сложным. Они практически все указывают на вторичное переселение: либо чехи прибыли в Среднее Прииртышье (первоначально в д. Плетнёво Оконешниковского района) через Запорожье, Мелитополь, либо – Крым, или даже Бессарабию:

- *нашы кажда радители в-дивят'сот адинацатом наду приехали сюда// ани сразу астанавились в-Оконешникофскам раёне ф-Плетнёўке// <...> а потóm аттуда приехали в-Васкресёнку нимноно пажыли/ и чэхоў с-хахлами не-взяла дружба... сюда пириехали и тут ани аблюбавали место... атэц*

дивят'сóm адінацатаha hóda/ он здесь раділся ужэ// (Ф.А. Шиллер, д. Новоградка, 2012 г.)¹;

- аткўда ані былі? с-Україны аткўда-то// хўдо жылі навэрна да новорят гдэ-то ф-сыбіри хараішó жыть землі мно́на <...> // здэсь-вот дирэвня/ здэсь хахлы былі чэхи-там// чэхи перэшли́ дал'шэ/ так абразавалась навахра́тка// (А.И. Яндер, д. Новоградка, 2004 г.) [14, с. 282];

- оні приэхали с-Україны із-за землі/ там-где иё máло бы́ло оні приэхали сюда́// дитей́ бы́ло мно́го землі máла/ вóт// (Ф.И. Вондра, д. Новоградка, 2004 г.);

- *Á, K'is'eľova já tetka sem a bila sem Vondrová. Bila sem Vondrová. A tatinka má bila Ňemka, wona bila Másoltová, Másol't mňela fam'iliju. A patom višla za Čecha zamuš. [Za Čecha na Ukrajině?] Tadi, tadi. Wona jé... sibiřská bila Ňemka. Ona tadi – nu, kolik je Semenouka wod nás? Kilometrou dvanázd, da? <...> W druhej wesnici, tam bili Estonci, žili. Jedná ulice Estonci a jedná ulice sou Ňemci. I wot won tadi <...> won se tatinek nerod'il tadi, a přijeli, jeho rodiče přivezli sem malinkihó až z B'isarabii. <...> A potom on tam f Semenouce si našel nevjestu* (М.И. Киселёва (урожд. Вондра), д. Новоградка, 2013 г.). – «Я Киселёва сейчас, а была Вондрова. А мама моя была немка, она была Масолт(ова), Масолт у неё была фамилия. А потом вышла за чеха замуж. [За чеха на Украине?] Здесь, здесь. Она была сибирская немка. Она тут – ну сколько (км) Семёновка от нас? Километров 12, да? Во второй деревне, там были эстонцы, жили. И вот он здесь... родился-то папа не здесь, а они приехали, и его родители привезли сюда маленького аж из Бессарабии. А потом он там в Семёновке нашёл себе невесту»².

Лишь некоторые респонденты полагают, что их предки приехали в Сибирь из Чехословакии или родились там:

- *a ačá maňhó привизлá máť по-мо́йму оні-уи папáли сюда как тó-ли с-Чехослава́кии я да́жэ хóрот вóт тóжэ я не-интирисовáлась нико́гда та́кими э́тими//* (М.И. Киселёва (урожд. Вондра), д. Новоградка, 2000 г.);

- *Он'и сем přijeli s Ukrajiní, n'ákí, a n'ákí s Čechiji* 'Они приехали с Украины, некоторые, а некоторые из Чехии' (З.В. Яндер, с. Репинка, 2012 г.) [15, с. 130];

- *A starší tcéri, kerá bila s řisíc devjetset prun'ího, s,t'isíc devjetset druhího, třet'ího, ti se rod'ili f Čechoslovákiji* 'А старшие дочери, которые были 1901-го, 1902-го, 3-го, они родились в Чехословакии' (А.А. Вондра, с. Репинка, 2012 г.) [15, с. 130].

Деревня Новоградка – место компактного проживания этнических чехов, по сведениям информантов, образовалась в 1911–1913 гг. Кроме того, чехи живут и в соседних деревнях Репинке и Воскресенке:

- *нў hдэ-та э́та дирэвня арһанизовáлась ф-тринáцатом ходў//* (А.А. Киселёв, д. Новоградка, 2000 г.);

¹ Воспроизведение речи информанта здесь и далее передаётся согласно правилам фонетической орфографии, принятым в новом электронном словаре активного типа, репрезентующем базовые константы народной «речемысли» – «Словаре констант народной речи Среднего Прииртышья» (<http://dict.univer.omsk.su/mediawiki/index.php/>) (подробнее см. [6, с. 119–120; 16]).

² Аудиозапись, расшифровка и перевод с чешского языка на русский С.С. Скорвида.

- *радїтели приѣхали сюда ф-какѡм наду? в-адїнацѣтам їли в-дїсѣтам дажэ/ я ни-пѡмню// а-я тут родилась ф-Сибїри/ там ф-Плетнѣва пат-Калачинскам//* (В.А. Яндер, с. Репинка, 2004 г.);

- *tisíc devjetset jedenáctim roku našali v Novohratce se fsel'at Āechi* 'в 1912 году в Новоградке начали поселяться чехи' (З.В. Яндер, с. Репинка, 2012 г.) [15, с. 130].

Переселившись в Сибирь, чехи сохраняли свою культуру, язык и национальный быт. Они долгое время не допускали смешанных браков. Постепенно из многонационального окружения (их соседи – украинцы, латыши, немцы, эстонцы, русские) они выделили немцев, затем стали встречаться браки с русскими и латышами, а браки с украинцами – редкость до сих пор:

- *я па-нацѣанал'насти/ ну пишусь-я чѣшка/ канѣшина/ патаму-шта атѣц бїл чѣх/ а-мать нѣмка// ну анá нѣмка как/ здѣсь/ сибїрская...// <...> а-ужэ-я када раслá/ ужэ матири я ни-знáла этáй бáбушки нѣмки/ тák-што я фсѣ на-чѣски/ бѡл'шэ// вѡт//* (М.И. Киселѣва (урожд. Вондра), д. Новоградка, 2000 г.);

- *обоснавали еѣ [д. Новоградку. – М.Х.] чѣхи эту дерѣвню срáзу Воскресѣнку здѣсь рядом с-хохлами не-поделїли мѣсто навѣрно рáн'шэ как бїло дажэ невесту нел'зя бїло хохлушку брать тѡко чѣх на-чѣске хохѡл этѡ щáс ужэ смешáлись á рáн'шэ фсѣ-равнѡ держáли как-то//* (И.А. Шиллер, д. Новоградка, 2000 г.).

Разрушение внутреннего уклада «маленькой Чехии» началось после Великой Отечественной войны, когда большая часть молодых мужчин погибла на фронте и невесты стали выходить замуж, не обращая внимания на национальность женихов. В начале 2000-х годов, по нашим данным, в д. Новоградке чехи составляли 80% населения, из них около 40% говорили на родном языке, в с. Репинке не более 30 человек владели чешским языком, в д. Воскресенке проживало всего несколько смешанных семей. В ходе переписи населения 2011 г. эти данные были уточнены, и оказалось, что в Репинском сельском поселении из 1700 зарегистрированных жителей (при 1500 фактически проживающих) чехами себя назвали 86 человек. Разумеется, не все они являются носителями чешского говора [15, с. 130]. О себе, например, говорят: *да я ужэ абрусѣл/ фсѣх знáю фсѡ область// тяжэлѡ мнѣ по-чѣски я-бы ѣсли-п с-чѣхом щяс стоял-бы ї вѣ ф-старанѣ вѡт-я-бы с-нїм разговáривал// я ужэ как говорїца обрусѣлый чѣх//* (И.А. Шиллер, д. Новоградка, 2000 г.).

В некоторых смешанных семьях чешский язык служит средством бытового общения. Супруги говорят друг с другом и детьми по-чешски. Однако не во всех семьях дети и внуки владеют родным языком:

- *ужэ и ч-ѣхи такїи смѣшанные/ онѡ нэ-получ-áща нѣкоторыи слова ужэ не-знáши по-чѣски// <...> ужэ н-э-ч-їстые н-э-крѡвные//* (А.Е. Бартош, д. Новоградка, 2000 г.);

- *пишуца чѣхами а языка не-знáют/ ну дѡчь тá ї этат сїн што тут жывѣт онї разговáривают мѣн'шый понимáл фсѣ а// <...> з-дїтями разговáриваем по-чѣски а-мѣн'шый спрѡсит отвичяем по-руски/ ну умныи бїли рáзве?// вѡт тák привыкли с-malolѣтца//* (З.М. Яндер (урожд. Кадермас), с. Репинка, 2000 г.).

Как видим, для чехов язык является главным показателем этнической принадлежности.

В связи с исследованием речи этнических чехов возникают вопросы, не только касающиеся взаимодействия с окружающими восточнославянскими и неславянскими говорами, но и относящиеся к проблеме двуязычия, поскольку чехи среднего и старшего поколения владеют как чешским диалектом, так и русским языком, хотя признают, что постепенно теряют языковые традиции. При массовом двуязычии, которое отмечается в среднеприиртышском чешском говоре (д. Новоградка, с. Репинка и д. Воскресенка Калачинского района Омской области), прежде всего лексическое влияние одного языка на другой оказывается весьма значительным. Анализ показывает: при определённых социокультурных условиях у двуязычных носителей происходит нечто вроде слияния словарных запасов двух языков/диалектов (русского старожильческого и чешского, чешского и русского новосельческого, чешского и украинского и т. д.) в единый лексический фонд, репрезентирующий специфическое мировидение носителей народной речевой культуры. Безусловно, основополагающим условием для лексической интерференции оказывается ощущение лексического «дефицита». При взаимодействии существенно различающихся языковых систем факты интерференции проступают отчётливее, выявить их легче.

Оказавшись в окружении «чалдонов», «тутошних», «сибиряков» новые насельники Сибири не могли не испытать воздействия со стороны старожильческих (см. об этом также [6, 13, 15]), новосельческих, русско-украинских и других говоров. Так, чешские фамилии приобрели новые черты: они перестали изменяться по родам и числам (как многие заимствования) в официальном употреблении, хотя в повседневном общении по-прежнему сохраняют старые грамматические характеристики: *A по-чэски Стáза Вóндрова*// (А.А. Вондра, с. Репинка, 2004 г.). Как отмечает С.С. Скорвид, «формы, выражающие принадлежность к семье и служащие также “домашними” фамилиями... дифференцируются в единственном числе по родовому признаку» [15, с. 134]:

Вондра (Vondrú) – м.р. ед.ч.;
Вондрова (Vondrová) – ж.р. ед.ч.;
Вондровы (Vondrovi) – мн.ч.;

Яндер (Jandr) – м.р. ед.ч.;
Яндерова (Jandrová) – ж.р. ед.ч.
 и т. д.

«Эта дифференциация мужских и женских “домашних” фамилий является важной частью языкового сознания носителей среднеприиртышского чешского говора, – пишет он. – Вот как говорит об этом Е.А. Ишкова: *Я всегда говорила, что мужская фамилия не склоняется, а... ну и у нас всегда говорили, taki babička bila pan'í Vondrová... d'ed bil Vondrú, a nám porád říkali Vondra... Вот на уроке... а я всегда оскорблялась... popravuji, že Vondrová, nu...*» [15, с. 134].

Реакция на этикетные формулы, таким образом, демонстрирует высокую степень языковой рефлексии у двуязычных чехов.

Имеющийся в нашем распоряжении материал³ показывает, что, с одной стороны, не все чехи, знающие родной язык, активно им пользуются даже

³ Записи бесед в 2000, 2004, 2005 гг. велись на русском языке. Лишь по нашей просьбе чехи говорили друг с другом, пели песни, читали молитвы на родном языке.

в общении друг с другом: *a děti maí nihtó ni-razhováruvaim// děti-ta děti éta/ ný/ u-vnúč'ki/ té po-rúski u-déti po-rúski//* (Ф.И. Вондра, д. Новоградка, 2004 г.). С другой стороны, у двуязычных носителей обнаруживаем «следы» окружающих говоров и некоторые особенности русской ментальности. Однако процессы интерференции на территории компактного проживания чехов являются взаимными: результаты интерференции проявляются на всех уровнях языковой системы как у этнических чехов, так и этнических украинцев, немцев, эстонцев и носителей разнотипных русских говоров. В 2012 г. беседу с этническими чехами вели на чешском языке С.С. Скорвид⁴ и Д.К. Поляков⁵, в разговорах участвовали и мы (см. [15, с. 129]). Практически все респонденты легко «переключали регистры», отвечая на вопросы по-русски и по-чешски одновременно. Лишь одна информантка А.А.Вондра, у которой мать – чешка, отец – латыш, с нежеланием и с трудом переходила на русскую речь.

В результате анализа чешской речи двуязычных информантов было подтверждено: говор сибирских чехов восходит к северо-восточному диалекту чешского языка [13; 15, с. 131–135].

Языковая культура и языковые традиции чехов характеризуют сегодня представителей старшего поколения (60–80 лет). Говор ассимилировавшихся на русской почве чехов (выучивших русский язык в школе) сохраняет некоторые исконные черты в фонетике, грамматике (см. [6, с. 55–57]), но особенно в лексике. Так, частотны чешские названия бытовых реалий: *knédliki* ‘отварное изделие, похожее на галушки’ ← *knedlik* ‘блюдо из муки с творогом или картофелем’ (Б., с. 348); *пантофлэ* ‘обувь’ ← *pantofle* ‘туфли, шлёпанцы’ (Б., с. 407); *бухта* ‘сладкая булочка или пирог с начинкой или без неё’ ← *buchta* ‘пирожок со сладкой начинкой’ (Б., с. 305); *кисэл*, или *кисэлка* ‘молочный кисель’ ← *kysel* ‘кисель’ (Б., с. 357); *кисляк* ‘кислое молоко, простокваша’ ← *kyselé mléko* ‘кислое молоко, простокваша’ (Б., с. 357); *шатэк* ‘платок’ ← *šátek* ‘платок’ (Б., с. 471); *М-иколаш* ‘Дед Мороз’ (Б., с. 55; КС); *окуркы* ‘огурцы’ ← *okurka* ‘огурец’ (Б., с. 400); *жикать* ‘говорить’ ← *žikat* ‘говорить’ (Б., с. 48); *брамбура/брамбула* ‘картофель’ ← *brambory* ‘картофель’ (Б., с. 89) и др.

В беседах с собирателями, как мы уже отмечали в более ранних работах, языковое сознание чехов проявляется отчётливо [14]. Будучи ещё двуязычными, респонденты с сожалением констатируют, что их дети теряют языковые навыки, а внуки не знают и не понимают родного языка: *Нý я-то разговáруваю а-д-éти маí ниhtó//* (Ф.И. Вондра, д. Новоградка, 2004 г.) [14, с. 285].

Жизнь на протяжении длительного времени в окружении говоров с инодиалектной основой, безусловно, отразилась на диалекте сибирских чехов: они все говорят по-русски, их речь приближается к общерусскому просторечию, характеризуется аканьем и иканьем: *аһурцы́, малад-óш, радилáсь, паналóжыш, жáлка, цвит-óт, дирéвни*. Возможно, под влиянием соседей-украинцев сохраняется произношение губно-губного [w] в середине слова: *кρά́ва, т́ра́ва*

⁴ Скорвид Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики и центрально-европейских исследований Российского государственного гуманитарного университета (подробнее о нём см. http://ifi.rsuh.ru/whoiswho_skorvid.html).

⁵ Поляков Дмитрий Кириллович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры славистики и центрально-европейских исследований Российского государственного гуманитарного университета (подробнее о нём см. http://ifi.rsuh.ru/whoiswho_polyakov.html).

(А.А. Вондра, с. Репинка, 2004 г.), а в начале и в конце слова, а также в предлоге *в* представлен как [ǔ], что характеризует и речь соседей сибиряков-старожилов: *ǔ-Рэпинки, хлэǔ* (А.А. Вондра, с. Репинка, 2004 г.)⁶. В области морфологии можно отметить колебания в роде некоторых имён существительных: *кисэль* – ср.р. (*анó кисэль хустóе*), *сарáй* – ж.р. (*кáк былá сарáй*) (ср. *сарáйка*); остатки древнего типа склонения на **ī*: *с-морквóй, за-цэрквóй*; остатки двойственного числа: *со-сво́йіма дру́шкама* (В.А. Яндер, с. Репинка, 2004 г.). Последние (связанные с типом склонения и категорией числа) явления мы отмечаем также в речи носителей архаического слоя старожильского говора [6, с. 78–86; 17, с. 4–6].

Различие по долготе и краткости у старшего поколения сибирских чехов представлено в их чешской речи, а у некоторых частично проявляется и в речи на русском языке. Однако в русской речи среднее поколение этнических чехов, использующих родной язык в бытовом общении, не сохраняет противопоставление по долготе – краткости, в чём тоже сказывается влияние соседних говоров. Безусловно, определённое воздействие оказал и другой экстралингвистический фактор – оторванность от чешских говоров митрополии.

Л.И. Баранникова предлагает различать интерференцию и заимствования [10]. Однако большинство учёных рассматривают заимствования как результат интерференции, то есть часть этого процесса. Элементы родной речи и родного языка могут использоваться билингвом в неродном языке, поскольку он обычно употребляет данные формы и значения, говоря на своём родном языке. Здесь имеется в виду интерференция в условиях индивидуального и социального билингвизма. Так, Ж. Багана такие элементы, «перенесённые из одного языка в другой», предлагает называть «интерферируемыми элементами» и подчёркивает, что они могут обнаруживаться в произношении, грамматике, лексике и семантике [18, с. 49].

Мы же по традиции (вслед за У. Вайнрайхом [11, с. 22]) считаем интерференцией любое изменение в системе языка под воздействием другого языка/диалекта и, следовательно, включаем сюда лексические заимствования, что особенно значимо для нашего лексикографического проекта. Процессы лексического заимствования представляют собой самый распространённый и легко фиксируемый тип интерференционных явлений. Это, вероятно, связано с тем, что лексические заимствования, пожалуй, единственный вид интерференции, который широко представлен как в двуязычном, так и в одноязычном социуме. Конечно, словарь двуязычных носителей более подвержен лексическим заимствованиям и семантическим трансформациям, поскольку двуязычные респонденты располагают как минимум языковыми системами двух языков. В распоряжении же диалектоносителей полиэтнического региона оказывается, кроме русского литературного языка (им информанты овладевают в школе), разнотипные по диалектной основе говоры (русские старожильские, новосельские, украинские, немецкие, эстонские и др.), в окружении которых существует говор этнических чехов.

⁶ Ср. замечание С.С. Скорвида о такой реализации фонем в северо-восточном диалекте чешского языка [15, с. 132].

Итак, лексика, будучи самой подвижной частью языковой системы среднеприиртышского чешского говора, легко воспринимает новое. При этом, либо заимствуя лексему полностью, либо изменяя её в соответствии со своими фонетическими, словообразовательными, грамматическими особенностями, диалектоносители – этнические чехи – активно ею пользуются.

В чешском говоре выделяются лексические единицы, общеславянские по происхождению, но имеющие исторически разную огласовку в восточнославянских и западнославянских диалектах. Например, сибирские чехи старшего поколения используют лексику, оформленную по законам чешской фонетики: слова с неполногласными сочетаниями, восходящие к **tort*, **telt*: *zřáx* ‘горох’ (чеш. *hrách*) (Б., с. 334), *mráz* ‘мороз’ (чеш. *mraz*), *mléko* ‘молоко’ (чеш. *mléko*), *mládyj* ‘молодой’ (чеш. *mladý*) (Б., с. 369); формы инфинитива могут быть без *-ти* (*ti*) или без *-и*, как в чешском литературном языке: *véz*, *vézt* (чеш. *vézt*) (Б., с. 496), *nést* (чеш. *nést*) (Б., с. 387).

Однако значительная часть этой лексики подверглась фонетическим изменениям под влиянием русского литературного языка и окружающих говоров: характерные для чешского языка сочетания согласных *-dl-* в середине слова упростились, как в русском языке **dl > l*: *крылó* (чеш. *křídlo*) (Б., с. 355), *мыло* (чеш. *mýdlo*) (Б., с. 373), *шило* (чеш. *šidlo*) (Б., с. 472); утратился сложный звук [ř] > [p'] ([p]): *hřib* → *зрѣб* (Б., с. 335), *křídlo* → *крилó*, *крылó* (Б., с. 355); *třeba* → *трэба* ‘нужно, надо’ (Б., с. 480), *dřevo* → *дэрево* (Б., с. 323).

Активна лексика с переходом /e > 'o/ после мягких согласных (процесс, известный только восточнославянским языкам): *čěpt* (чеш. *čert*) (Б., с. 309), *пурожок* (чеш. *pirožek*) (Б., с. 159), *берэза* (чеш. *bříza*) (Б., с. 305), *овёс* (чеш. *oves*) (Б., с. 405).

В результате межслоговой ассимиляции, характерной для современных сибирских говоров, возникла следующая огласовка: *кожу́х* ‘шуба, тулуп’ (ср. чеш. *kožich*) (Б., с. 353), *брі́чо* → *брю́хо* ‘живот’ (Б., с. 305).

Развитие протез (перед лабиализованным гласным) нашло отражение не только в общеславянской лексике (*osm* → *во́семь*, *okno* → *вокно́*), но и в чешской (*okurka* ‘огурец’ → *воку́рок*). Под влиянием русской фонетики утратились чешские слоговые плавные: чеш. *člověk* → *челове́к* (Б., с. 241), чеш. *vlk* → *во́лк*, *vlna* → *волна́* (Б., с. 35), чеш. *vrba* → *вѣрба*, *iva* (Б., с. 29), чеш. *mrkev* → *моркóвь(ка)* ‘морковь’ (Б., с. 372).

В восточнославянской огласовке представлены лексемы: *бѣ́лый* (чеш. *bílý*) (Б., с. 302), *мо́лоть*, *ме́лю* (чеш. *mlít* < **melt*), *ме́сто* (чеш. *místo*) (Б., с. 369).

Западнославянские неполногласные сочетания стали полногласными в частотной для говора лексике: чеш. *vlákno* → *воло́кно*, чеш. *vlas* → *во́лос* (Б., с. 497), чеш. *slata* → *солóма* (Б., с. 457).

Нужно отметить, что процессы языковой интерференции не могут быть односторонними. Лексика, записанная в ходе диалектологических экспедиций на исследуемой территории, позволяет утверждать, что восточнославянские лексические единицы могут трансформироваться под влиянием чешского говора. Так, небольшую группу составили русские слова, изменившие качество отдельных фонем под влиянием чешского произношения: *ца́хар* ‘сахар’ (ср. чеш. *sukr*) (Б., с. 307), *квето́к* ‘цвет, цветок’ (ср. чеш. *květ*) (Б., с. 356); *трёху* ‘немного’, диал.

рус. *трóхи* (ср. чеш. *trochu*) (Б., с. 479) – или сохранившие чешское ударение: *в-һрóбу*, *кíсэль* (Б., с. 334, 357)⁷.

Отдельную группу составляет лексика, отличающаяся в среднеиртышском чешском говоре словообразовательными аффиксами и/или грамматическими характеристиками (различие в роде, числе, падежной форме и т. п.): *телёнок*, м.р. (ср. чеш. *tele*, ср.р.) (Б., с. 475); *свинья́* (ср. чеш. *svině*) (Б., с. 470); *моркóвка* (ср. чеш. *mrkev*) (Б., с. 372); *кузнéц*, м.р. (ср. чеш. *kovář*) (Б., с. 353); *кúзница*, диал. чеш. *кúзня* (ср. чеш. *kovářna*) (Б., с. 353); *цыбу́ля* ‘лук’, м.р. (ср. чеш. *sibule*, ж.р.) (Б., с. 307); *мóлодость*, ж.р. (ср. чеш. *mládí*, ср.р.) (Б., с. 369); *молóжэ* ср. ст. (ср. чеш. *mladši*) (Б., с. 369); *гúсь*, м.р. (ср. чеш. *husa*, ж.р.) (Б., с. 335); *кíсэль* и *кисэ́ль*, ср.р. (ср. чеш. *kysel*, м.р.) (Б., с. 91); *ткáнь* (ср. чеш. *tkanina*) (Б., с. 477).

Различия в форме и словообразовании, на наш взгляд, объясняются прежде всего влиянием окружающих русских говоров и литературного языка.

Особый интерес представляет лексика, подвергшаяся в сибирском чешском говоре семантической адаптации, которая может сопровождаться и структурными изменениями. Так, в чешском говоре употребляется слово *кура* (*курица*), тогда как в чешском литературном языке *kuře* имеет значение ‘цыплёнок’, а *курица* → *slepice* (Б., с. 457); ср. в русских старожильческих говорах [16, с. 43]. В чешском сибирском говоре, как и в чешском языке, функционирует лексема *řera* (ж.р.) (Б., с. 450), но если в литературном чешском она обозначает ‘свёкла’, то сибирские чехи в этом значении усвоили русское слово *свёкла* (*свекла́*), а *řera* → *p-э́на* стало употребляться в том же значении, что и в русском языке. В чешском языке *žal* (м.р.) – ‘скорбь, печаль’ (Б., с. 535), у чехов-сибиряков *žal* → *жáль*, *жáлко*, то есть ‘выражение сожаления, иногда печали по поводу чего-то, кого-то’, как и в русском языке. Чешскому литературному языку слово *život* известно в своём исконном значении ‘жизнь’, утраченном русскими говорами ещё в эпоху существования древнерусского языка, когда «биологическая» жизнь обозначалась через *живот*, а вечная, то есть «духовная», – *жизнь*. В говоре сибирских чехов не сохранилось данное слово с исконным значением, и для них *живот* – это часть тела, как и для носителей русского языка. Слово *chlapec* ‘мальчик’ в чешском говоре преобразовалось в *хлóпиц* ‘молодой человек, юноша’ (КС), вероятно, не без влияния новосельческих и украинских говоров, где бытует эта лексема [17, с. 90]

Глагол *мстíться* ‘злиться, ненавидеть’ широко употребителен в д. Новоградке, с. Репинке, д. Воскресенке не только в чешских семьях, но и в смешанных (чешско-латышских, чешско-русских, чешско-немецких): *штó-жэ тák онí мстíлись на-ч-э́хоў*// (В.А. Яндер, с. Репинка, 2004 г.). В литературном чешском языке есть глагол *mstit se* ‘мстить кому-то’, прилагательное *mstivý* ‘злопамятный, мстительный’, а с семантикой ‘ненавидеть’ – глагол *nenavidět* (Б., с. 129, 372). Возможно, в говоре чехов сохранилось одно из древних значений глагола или произошёл семантический сдвиг на основе определённых внутриязыковых и внеязыковых процессов.

⁷ О чешском ударении см., например, [19, с. 65–71; 20, с. 239–241], а также (Б., с. 293, 263–264).

Необходимо подчеркнуть, что в результате межъязыковой интерференции чехи активно пополняют свой лексический запас, создавая многочисленные варианты: *прастакíша* (старож., новосел.) – *кíсэль* (чеш.), *ауурéц* (новосел.) – *воку́рок* и др. (КС). Полагаем, явления интерференционного характера выступают в качестве отличительных признаков современной речи этнических чехов и языкового пространства региона.

Иногда чехи напрямую заимствуют языковые единицы из окружающих говоров. Кроме лексики, исконной для старожильческих говоров (*анба́р/амба́р*, *оржаной* ‘ржаной’ (СРГ, 1, с. 17, 19) (см. также [18, с. 43]), *забели́ть* ‘сделать белым суп, добавив молока’ (ДопСРГ, 1, с. 52), *назём* ‘навоз’ (СРГ, 2, с. 162), *печури́чка*, *печери́ца* ‘гриб шампиньон’ (ДопСРГ, 2, с. 162; КС), *паут* ‘овод’ (СРГ, 3, с. 12), *холошо́вый* ‘из льняной ткани’ (СРГ, 3, с. 275), в среднеприиртышском чешском говоре зафиксированы формы, характерные для новосельческих, украинских и других говоров и просторечия: *бзюха́* ‘мошकारа’; *захова́ть* ‘спрятать’; *лицо́* ‘шляпка гриба’; *сопля́тый* ‘молодой, маленький’; *з(h)арни́чек* ‘ночник, светильник’; *маку́ха* ‘жмых’; *сз(h)орта́ть* ‘собрать вместе, в одну кучку’; *кизя́к*, *коровя́к* ‘навоз’; *похлёб(ка)* ‘первое блюдо, суп’; *не́тель* ‘нетелившаяся корова’; *талчо́нка/толчо́нка* ‘пюре из картофеля’; *деревня́* (им.п. мн.ч.); *выбора́* (им.п. мн.ч.) (СРГ, 2, с. 114, 188; КС) (см. также [17, с. 20, 29, 38, 54, 83]).

Исследование процессов интерференции выявило следующее: лексическая система чешского сибирского говора оказывается более открытой для заимствований, чем системы окружающих говоров. Наблюдения над лексико-семантическими изменениями в чешском говоре показали, что пути и формы семантической и фонетико-грамматической адаптации могут быть различными, но основное направление – из русского языка в чешский говор. Аналогичные процессы отмечены в говоре потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе, «прошедших путь от чешского одноязычия к полному чешско-русскому двуязычию, причём в наши дни можно констатировать их постепенный переход от чешско-русского двуязычия к русскому одноязычию» [21, с. 133].

Восточнославянское влияние на чешский говор было и остаётся активным и усиливается экстралингвистическими факторами. Однако восточнославянские говоры, соседствующие с «малой Чехией» в Среднем Прииртышье, также испытывают влияние чешской речи (см. [6]).

В заключение не можем не подчеркнуть: русская речь этнических чехов, безусловно, придаёт своеобразие народной речи Среднего Прииртышья в целом, а собранные языковые факты являются одним из источников нового словаря полиэтнического региона, призванного отразить своеобразие современной языковой ситуации в Среднем Прииртышье и особенности мировидения носителей традиционной культуры сельских жителей.

Источники

- СРГ – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 т. / Под ред. Г.А. Садретдиновой. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992–1993. – Т. 1. – 228 с.; Т. 2. – 244 с.; Т. 3. – 358 с.
- ДопСРГ – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / Отв. ред. Б.И. Осипов. – Омск, 1998–2003. – Вып. 1. – 155 с.; Вып. 2. – 172 с.

- Б. – *Бездек Я.* Русско-чешский и чешско-русский словарь. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2007. – 544 с.
- КС – Картотека словаря народно-разговорной речи Среднего Прииртышья Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (хранится в Словарном кабинете факультета филологии и медиакоммуникаций).

Литература

1. *Горнунг Б.В.* Из истории образования общеславянского языкового единства. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 143 с.
2. *Жиров А.А.* Поляки в условиях Тарского Прииртышья в XIX – XX вв. // Славянские чтения: Духовная культура и история русского народа: Материалы докл. науч.-практ. конф. – Омск: Курьер, 1995. – Вып. 4, Ч. 2. – С. 173–175.
3. *Вибе П.П.* Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1989. – 21 с.
4. *Мулина С.А.* Участники польского восстания 1863 года в западносибирской ссылке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2005. – 23 с.
5. *Садретдинова Г.А.* История заселения русскими Западной Сибири в связи с изучением сибирских старожильческих говоров // Диалектологические и историко-лингвистические проблемы: Сб. науч. ст. памяти Г.А. Садретдиновой. – Омск: ОмГУ, 1999. – С. 70–111.
6. *Харламова М.А.* Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. – 290 с.
7. *Щерба Л.В.* О понятии «смешение языков» // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Т. 1. – С. 40–53.
8. *Розенцвейг В.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. VI: Языковые контакты. – С. 5–24.
9. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 607 с.
10. *Баранникова Л.И.* Сущность интерференции и специфика её проявления // Проблемы двуязычия и многоязычия: Сб. ст. – М.: Наука, 1972. – С. 88–98.
11. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. и комм. Ю.А. Жлуктенко; вступ. ст. В.Н. Ярцевой. – Киев: Вища шк., 1979. – 263 с.
12. *Герд А.С.* Основные тенденции и параметры формирования региональных типов языков // Севернорусские говоры: Межвуз. сб. – СПб.: Нестор-История, 2014. – Вып. 13. – С. 249–264.
13. *Харламова М.А.* Чехи на территории Среднего Прииртышья: результаты межъязыковой интерференции // Вопросы русистики / Под ред. Е. Калишана. – Poznań: Uniwersytet im. A. Mickiewicza, 2007. – S. 77–86.
14. *Харламова М.А.* Этническая самоидентичность и её показатели в диалектном тексте // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 3. – С. 281–287.
15. *Скорвид С.С.* Говор чехов Среднего Прииртышья: генезис и своеобразие // Вестн. Ом. ун-та. – 2013. – № 3. – С. 129–135.
16. *Харламова М.А.* Традиционная народная культура в электронном словаре Среднего Прииртышья // Филология и культура. – 2016. – № 1. – С. 151–157.
17. *Харламова М.А.* Говоры Среднего Прииртышья: Хрестоматия. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 104 с.

18. Багана Ж. Об отношении заимствования и интерференции // Науч. ведомости. – 2008. – № 11. – С. 46–50.
19. Чекмонас В. Введение в славянскую филологию. – Вильнюс: Мокслас, 1988. – 293 с.
20. Языки мира: Славянские языки. – М.: Academia, 2005. – 656 с.
21. Поляков Д.К. Интерференционные процессы и гибридизация в переселенческих говорах // Гибридные формы в славянских культурах: Сб. ст. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. – С. 132–147.

Поступила в редакцию
13.06.16

Харламова Марина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, славянского и классического языкознания

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55-А, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: khr-spb@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 5, pp. 1276–1289

**Western Slavic Dialects in Omsk Irtysh Region:
Interference Phenomenon in Czech Siberian Dialect**

M.A. Kharlamova

F.M. Dostoevskii Omsk State University, Omsk, 644077 Russia

E-mail: khr-spb@mail.ru

Received June 13, 2016

Abstract

The history of the Czechs in the Middle Irtysh region is closely related to the history of P.A. Stolypin's reforms of the late 19th – early 20th century. The evidence provided by the language conscious representations has allowed identifying the migration paths of the Czechs, as well as the places where they "exited" the European part of Russia and Europe. The paper traces the formation of the Czech dialect and its development in Siberia. It also underpins the thesis concerning the specific role played by inter-dialect and inter-linguistic interference in forming the sprachraum of the polyethnic region. The connection of interference and bilingualism has been demonstrated by the example of the development of the Czech dialect in the Middle Irtysh region.

The paper also considers theoretical foundations of the research: different approaches to the problem of interference in linguistics, viewpoints on the connection of interference and bilingualism, the author's point of view has been presented adequately. Based on the material collected by the author, it has been demonstrated that interference appears at all levels of the language system, being especially explicit in lexis. Lexis represents the "power" of the Russian language and of Siberian old-settlers' dialects, which is reflected in direct lexical borrowings from the surrounding dialects and in adaptation (phonetic, grammatical, derivational, and semantic) of the Czech lexicon seen as particularly important.

Interference does not go unnoticed by the ethnic Czechs themselves, which has been proved by the metatext utterances about their mother tongue and its speakers in the contemporary linguistic situation. The ethnic self-definition of the Czech is related to the knowledge of their native Czech dialect: the speakers of the Middle Irtysh dialect perceive the Czechs who do not speak their native language

as Russian rather than Czech. The changes that have taken place in the speech of the Siberian Czechs are determined by both linguistic and extra-linguistic factors. Analysis of Siberian Czechs' speech is a part of a broad research devoted to specifics of the language situation in the contemporary polyethnic region. The results of the research have provided a source and an empirical base for a new lexicographic project by Omsk dialectologists, aimed at demonstrating the worldview of contemporary villagers of a single Russian region.

Keywords: interference, interlinguistic contacts, bilingualism, Czech dialect

⟨ **Для цитирования:** Харламова М.А. Западнославянские диалекты в Омском Прииртыше: явление интерференции в чешском сибирском говоре // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 5. – С. 1276–1289. ⟩

⟨ **For citation:** Kharlamova M.A. Western Slavic dialects in Omsk Irtysh region: Interference phenomenon in Czech Siberian dialect. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 5, pp. 1276–1289. (In Russian) ⟩